

“КТО СКАЗАЛ, ЧТО СЧАСТЬЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Амели Нотомб — Газете

В издательстве «Иностранка» выходит очередной роман Амели Нотомб «Антихриста». Накануне выхода книги со знаменитой писательницей встретилась Мария Терещенко. По признанию Амели Нотомб, интервью Газете — первое, которое она дала российской прессе.

История, описанная в романе «Антихриста», имеет какую-нибудь реальную жизненную подоплеку?

Да, эта история произошла со мной, скажем так, на 95 процентов. Единственная разница — в окончании. Я не смогла из своей ситуации выйти с таким блеском, как это сделала Бланш. Единственный способ, которым я смогла разрешить проблему с Христой, — это сесть на самолет и улететь в Японию. Не слишком хороший выход. Видите ли, такого рода истории происходят слишком часто, и слишком много людей проходит через них. Мы не можем посоветовать каждому сесть на самолет и улететь в Японию. Да и не у каждого есть такая возможность. В общем, это неправильное решение, а правильно то, что сделала Бланш.

А возможны ли вообще, по-вашему, равные отношения между людьми, когда ни один из них не подавляет другого хотя бы отчасти?

Да, они возможны. Но для того, чтобы отношения были такими, нужно много терпения и опыта. Девочки, описанные в романе, — тинейджеры. В этом возрасте отношения чаще всего строятся по принципу «господин — раб». Для другого рода общения люди должны быть очень цивилизованными, чтобы перестать видеть отношения как состязательные или силовые. По-моему, цивилизация для того и существует, чтобы избегать насилия, силовых отношений. Но в подростковом возрасте человек еще нецивилизован, он еще немного дикарь. Подростковый возраст — очень тяжелое время, когда люди все время стремятся захватить власть над другими и вообще не слишком дружелюбно себя ведут.

Но ведь у всех изначально неравные способности, знания, умения. Где проходит грань между обучением, попыткой дотянуть человека до своего уровня и насилием? Ведь и Бланш в начале романа не знает, какие именно чувства руководят Христой.

Да, это правда. Как правило, в жизненных ситуациях есть масса тонкостей и нюансов. Но если тебя учат или тебе помогают, когда ты об этом не просишь, когда ты не хочешь чему-то учиться, — это уже насилие. В начале книжки кажется, что Христа может Бланш многому научить и Бланш действительно необходимо кое-чему научиться. Но Христа не столько учит Бланш, сколько отбирает что-то у нее: ее кровать, ее время, ее родителей. Отбирает, в сущности, все, что Бланш имеет. Так что всегда надо очень внимательно смотреть на отношения, чтобы понять, дружба это или постоянное насилие.

В романе так и не звучат ответы на многие вопросы. Вы эти ответы знаете?

Нет. Конечно, нет. Все как в жизни. Это только в кино или в книжках мы получаем ответы на все вопросы, а в жизни зачастую загадки так и остаются неразгаданными. И когда ты говоришь: «Эта девушка ужасно вел себя по отношению ко мне на протяжении целого года. Но почему?» — ты почти никогда не знаешь ответа. Это только в книге в финале отрицательный персонаж произносит монолог: «А теперь я тебе расскажу, почему я так к тебе относилась». В жизни все иначе. Ты просто перестаешь общаться с человеком. Зло в реальной жизни никогда не имеет объяснений. Ты не знаешь, почему какие-то люди становятся тебе врагами. Это просто происходит.

Вы жили в разных странах: Япония, Америка, Бангладеш, Франция. Как это вышло?

Мои родители были бельгийскими дипломатами. Я родилась в Японии и только в 17 лет приехала в Европу. В своей собственной стране, в Бельгии, я была чужестранкой. Такая вот неординарная ситуация. В этот-то момент, когда я, семнадцатилетняя, поступила в университет, началась история с Христой.

Какая из стран, где вы жили, наиболее вам близка, наиболее вами любима?

Самая близкая для меня страна все-таки Япония, но я обнаружила, что жить там не могу. Мой самый известный роман, «Страх и трепет», который переведен на русский Натальей Поповой, как раз объясняет, почему я не способна жить в Японии. Жить в стране — значит работать там, а работать в Японии невозможно. Если ты не босс, конечно. Если ты босс — все легко. Но если ты наемный служащий...

То есть «Страх и трепет» — это true story?

Это true story на сто процентов. Если «Антихриста» на 95, то «Страх и трепет» — на все сто.

Кстати, как японцы отнеслись к «Страху и трепету»?

Ужасно. Каждый раз, когда я сталкиваюсь с кем-нибудь из Японии, происходит один и тот же разговор. «Вы действительно думаете то, что написали в этой книге?» — «Да, я действительно так считаю. Именно поэтому и написала эту книгу». — «О нет! Это была ошибка. Вам нужно вернуться в Японию, пойти работать в другую компанию и написать другую книгу». — «Извините, но теперь у меня другая работа. Я пишу бестселлеры во Франции, и мне это занятие намного больше нравится». И все время одно и то же: «Возвращайтесь в Японию, поработайте в другой компании и напишите другую книгу. Вы ошиблись». Но, простите меня, я не ошиблась. Эта история произошла на самом деле, она произошла со мной. Это не такая уж плохая история. Возможно, я была отвратительной работницей, возможно, они были по-своему правы. Я написала

эту книгу вовсе не для того, чтобы опозорить Японию. Я всего лишь хотела понять для себя какие-то вещи. Япония — моя любимая страна. Но в ней есть определенные проблемы.

То есть вы убеждены, что описали тенденцию, а не несчастную случайность? Вы ничего не преувеличивали?

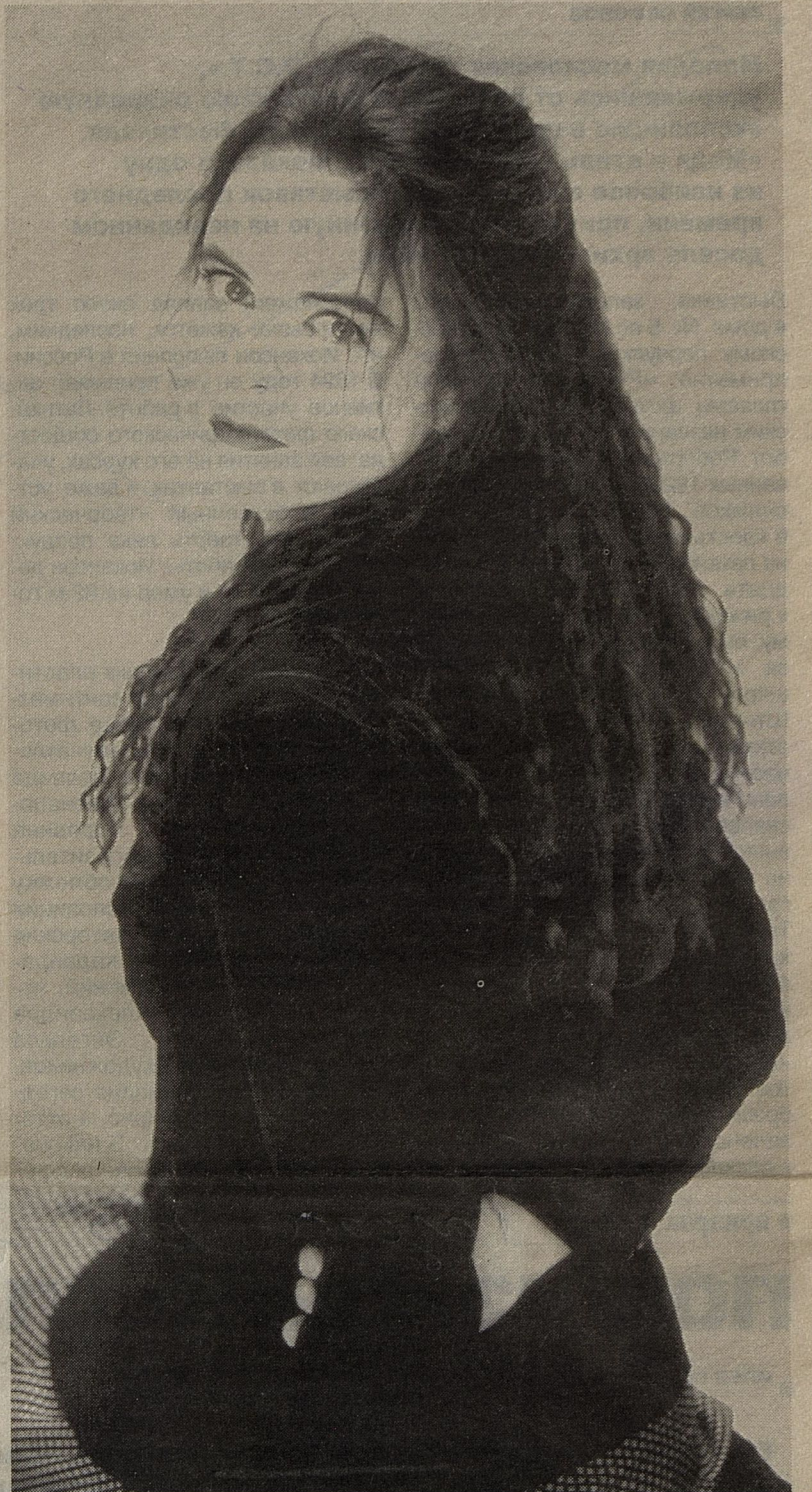
Конечно, это тенденция, и я совсем не преувеличивала. По правде сказать, события, описанные в книге, значительно менее ужасны, чем те, что происходили на самом деле. Все это случилось со мной в начале 1990-х. Теперь японцы говорят: «В Японии уже все изменилось». Так вот, я вовсе не уверена, что изменилось хоть что-нибудь. С 1960-х годов в Японии только и слышишь: «Мы изменились, мы изменились», но на самом деле все остается по-прежнему. Меняется, конечно, многое, но японский менталитет остается неизменным. Вопрос вовсе не в том, что мне не нравится Япония. Наоборот, ты критикуешь именно тех, кого любишь. В противном случае тебе предмет совершенно безразличен и ты вообще о нем не говоришь.

Значит, вы согласны с тем, что разница между Западом и Востоком огромна и почти непреодолима?

Да, конечно. Я, как европеец, воспитанный в Японии, остро чувствую эту разницу. Как раз этот вопрос у меня сомнений не вызывает. Удивительно другое. Японцы свято убеждены, что мы, европейцы, должны с особой бережностью относиться к их менталитету, чтобы их не шокировать. И, конечно, они правы, мы действительно должны стараться соблюдать какие-то нормы. Но как насчет движения навстречу? Почему бы им тоже не заботиться о том, чтобы нас не шокировать? Каждый раз, когда я вижу западного человека, приезжающего в Японию, я только и слышу: «Ах какая прекрасная страна, ах какие замечательные традиции! Надеюсь, мы не шокировали их своим поведением?» Но я никогда не слышала от японца: «Надеюсь, я не шокировал европейцев своим поступком». Но ведь они иногда шокируют. И они тоже должны заботиться о том, какое впечатление производит на нас их поведение.

У вас все романы хотя бы отчасти автобиографичны?

Нет, что вы. На сегодняшний день во Франции издано тринадцать романов. Из них только четыре автобиографичны на сто процентов, один — на 95, а остальные — чистой воды вымысел. Было бы неправильно сказать, что большинство моих книг автобиографичны. А потом, это же, по сути, неважно. Главный предмет моего интереса, моего исследования во всех романах — человек. Я человек, почему бы мне не исследовать себя? И я исследую. Не потому, что я какая-то важная персона,

Амели Нотомб: «Иметь тело, с одной стороны, здорово, но с другой — это серьезная проблема» Фотограф: Catherine Cabrol

но потому, что мне нужен человеческий материал, а я сама являюсь таким материалом.

Вы сказали, что, приехав в Европу, сначала чувствовали себя чужестранкой. А как обстоит дело сейчас?

Так же отчасти. Но в целом все уже иначе — благодаря литературе. Понимаете, Франция — не моя страна, и Бельгия — не моя страна. У меня вообще нет своей страны. Но благодаря своему успеху я чувствую себя принятой всеми странами, где меня читают. А это немалая часть планеты, потому что мои книги переведены на 47 языков.

Почему вы начали писать?

Это тайна. Я начала писать в 17 лет, как раз когда я приехала в Европу. Не знаю почему. Возможно, потому, что я была очень одинока, это был очень тяжелый период в моей жизни. У меня была анорексия, я очень болела, я ушла от родителей, я открыла для себя Европу, открыла для себя одиночество. В 17 лет у людей вообще все очень сложно. Наверное, было еще что-то. Но можно сказать и иначе: мне было 17 лет, в 17 лет пишут все. Главный вопрос: почему я не перестала писать? Потому что все начинают

писать в 17 лет, но большинство перестает писать в 23. А у меня все было наоборот. В 17 я начала писать, а в 22—23 начала писать постоянно. Писательство — это болезнь, которой все болеют в тинейджерском возрасте и от которой излечиваются, становясь взрослыми. А я вот до сих пор больна.

Как вы относитесь к фильмам, снятым по вашим книгам?

Есть два фильма. Первый, к счастью, никто не видел. Он довольно плохой — «Гигиена убийцы». Дурацкий фильм, но так как его никто не видел, то это и неважно. А второй — отличный, «Страх и трепет». Мне он очень нравится, я счастлива, что есть такой фильм.

А вы знаете, что в России недавно состоялась премьера спектакля по «Косметике врага»?

Да, я слышала об этом. Говорят, там играют известные актеры.

Вы читали пьесу Эдварда Олби «Что случилось в зоопарке?»

Нет, а что?

Мне просто померещились в «Косметике врага» какие-то

газета - с 32-33.

аморальным?"

реминисценции из Олби. Хотелось понять, как они там возникли.

Правда? Надо почитать. Я никогда не слышала об этой книге.

Слава принципиально изменила вашу жизнь?

Я опубликовала свою первую книгу в 25 лет, и меня очень удивило, что книгу взяло большое и серьезное французское издательство. Она мгновенно стала бестселлером, ее известность росла с каждым днем. Это было похоже на какое-то приключение, и я очень рада, что оно со мной произошло. Это не то чтобы глубоко изменило меня — я все та же девочка, которая все время пишет и пытается что-то понять.

В ваших книгах часто возникает тема человеческой красоты или, напротив, уродства. У вас даже есть два романа, где вы перерабатываете сказку о красавице и чудовище — «Преступление» и «Ртуть»...

Это не совсем «Красавица и чудовище», но, действительно, тема красоты очень важна для меня. Это в некотором смысле философский вопрос. Что такое красота? Можно ли говорить и писать о красоте? И что именно можно сказать о красоте? Думаю, здесь во многом сказываются годы жизни в Японии, где существует культ красоты. Но когда я пыталась написать о красоте, то вдруг поняла, что это почти невозможно: о ней почти нечего сказать. И это ужасно удивило меня. Я поняла, что говорить о красоте можно, только рассказывая об уродстве. То есть лучший способ описать красоту — описать ее на фоне уродства. Это очень меня заинтриговало. Но в названных вами романах важно не только это. Все мои книги — о людях, обо всех аспектах жизни людей, и о теле тоже. Иметь тело — это, с одной стороны,

в мире. А с «Ртутью» все сложнее: я чувствовала себя одновременно тремя героями. Но в целом механизм тот же. Я свела вместе трех людей и наблюдала, что получилось.

И все же в «Преступлении» есть полемика со сказкой «Красавица и чудовище». В течение романа кажется, что между красавицей и чудовищем что-то возможно, как в сказке, но конец совершенно другой.

Да, действительно, полемика есть. Мне кажется, что в том, как «Красавица и чудовище» преподносится во всемирной культуре, есть какая-то глобальная неправда. Главный вопрос, которым никто не задается, звучит в романе. Все говорят: «Вот бедное чудовище, это же только внешность, почему же девушка так жестока, ведь он такой замечательный человек, она должна его полюбить, потому что у него такая прекрасная душа». Но при этом никто не замечает, что само это чудовище влюбилось именно в красавицу. Значит, ему-то самому тоже нет особого дела до души, потому что иначе он бы влюбился в уродину с прекрасной душой. Но ведь не так все происходит. И все вокруг говорят красавице: «Давай, ответь взаимностью этому несчастному парню».

Принято считать, что женщины и мужчины в этом смысле разные.

Знаете, на мой взгляд, это ложное представление. Действительно, принято считать, что женщинам не так важна внешность. Да ладно, вы вот — женщина. Вы согласны с этим? Я, например, не согласна.

Это зависит от обстоятельств. Иногда бывает, что внешность и правда не важна.

Так и у мужчин бывает. К счастью. Случается, что мужчины

влюбляются в некрасивых женщин, что их привлекает ум или какие-то прекрасные душевные качества. Но... Когда я, женщина, вижу очень красивого мужчину, я что-то такое чувствую... особенное. И было бы неправильно сказать, что для меня красота мужчины не имеет значения. Мне, несомненно, приятнее влюбляться в красивых людей. Это не значит, что в уродов не влюбляются. Конечно, и такое бывает. Но только в том случае, если этот урод обладает яркой индивидуальностью, огромным интеллектом.

А как получилось, что у романа «Ртуть» две концовки? Вы пишете в самой книге, что это не связано с новым типом интерактивного романа...

Не знаю, для меня самой это загадка. Я сначала написала его с первой концовкой. Но когда закончила книгу, почувствовала, что не все сказала. Что в голове у меня есть еще какой-то вариант окончания. Я попробовала написать другой конец, а потом сравнить, какой мне больше понравится. Но когда второй финал был закончен, я поняла, что выбрать между ними не могу. Они оба казались мне необходимыми. Пришлось предпринять эксперимент и напечатать книгу с двумя концовками.

Но сейчас вы для себя уже сделали выбор?

Думаю, мне больше нравится второй финал. В то же время мне кажется, чтобы получить удовольствие от второй концовки, надо сначала прочитать первую. Благодаря первому финалу второй кажется более вкусным.

Мне, пожалуй, второй тоже больше нравится, он более оригинальный...

Аморальный, я бы сказала.

Почему, героиня же счастлива в своем заточении?

Возможно, но кто сказал, что счастье не может быть аморальным?

Ваши герои отчасти страдают от своего одиночества, но и любят его. Наверняка вы, будучи тинейджером, тоже находили в своем одиночестве нечто ценное. Известность не отнимает у вас возможности побыть наедине с собой? Нет, абсолютно. Сейчас все значительно лучше. С 10 до 20 лет я чувствовала себя ужасно одинокой. И это не было моим выбором. Сейчас я могу выбирать. Если я одна, значит, таков мой выбор. Я иду к себе домой, и никто там меня не трогает. Такое одиночество — это здорово. А быть в одиночестве не по своей воле очень тяжело.

Французская актриса Сильви Тестю стала alter ego Амели Нотомб в фильме «Страх и трепет»

здорово, но с другой — это серьезная проблема. Как существовать в теле? Особенно если это не обычное тело, а какое-то... ну, неординарное, выдающееся. О жизни в обычном теле, пожалуй, сложно рассказать что-то интересное, но иногда случается на улице увидеть *такие* тела... Как возможно жить в таком теле? Каждый раз, сталкиваясь с какой-то тайной, я пишу роман, чтобы лучше понять проблему. В «Преступлении» я решила побыть уродцем, чтобы понять, каково быть самым уродливым человеком

газета

бояться больше нечего

Амели Нотомб — французская писательница бельгийского происхождения. Родилась в 1967 году в Японии, где и провела первые 17 лет своей жизни вместе с родителями-дипломатами. Писательскую карьеру начала в 25 лет и получила всемирное признание благодаря роману «Страх и трепет» (премия Французской академии), описывающему трудовые будни японских служащих и экранизированному в 2003 году режиссером Аленом Корно. Сегодня на счету Амели Нотомб уже 13 книг. На русский переведены «Метафизика труб», «Косметика врага», «Ртуть», «Преступление», «Страх и трепет», «Англичанин». Полгода назад во Франции под заголовком «Биография голода» вышла автобиография писательницы.